

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Проанализированы существующие в науке подходы к пониманию правосубъектности. На их основе предложено определение уголовно-процессуальной правосубъектности юридического лица в российском уголовном судопроизводстве. Отмечены особенности, а также обоснована самостоятельность рассматриваемой правовой категории.

Ключевые слова: юридическое лицо, правосубъектность, правоспособность, дееспособность.

В соответствии с российским законодательством в уголовном процессе могут принимать участие как граждане, так и коллективные образования, в том числе юридические лица. Между тем правовому положению организаций в уголовно-процессуальной науке уделяется незаслуженно мало внимания. Объектом подробного исследования, как правило, становятся отдельные участники уголовного судопроизводства (потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик) [1–3 и др.] либо личность (физическое лицо) в целом [4–5 и др.]. Кроме того, большая часть уголовно-процессуальных норм, регламентирующих правовое положение участников уголовного судопроизводства, касается, главным образом, индивидуальных субъектов и не всегда может быть применена к юридическим лицам, выступающим в том же качестве.

В то же время юридические лица являются одной из излюбленных тем в цивилистической науке. Связанные с ними вопросы традиционно вызывают высокий интерес и подвергаются активному обсуждению среди ученых-правоведов. Это, бесспорно, свидетельствует об актуальности и достаточно большой сложности рассматриваемой правовой категории.

Данное обстоятельство обуславливает необходимость детального исследования вопросов участия организации в уголовном процессе. Представляется, что наиболее точно определить специфику правового положения юридического лица в уголовном судопроизводстве можно, проанализировав особенности его правосубъектности в данной области общественных отношений [6. С. 161].

В первую очередь, следует подробно остановиться на понятии правосубъектности. Российское законодательство не пользуется данным термином, в то время как в юридической науке, преимущественно в области общей теории права и отдельных её отраслей, уже давно ведутся споры о том, какое место необходимо отвести этому правовому институту. В области уголовного процесса изучению этого понятия (особенно в части правосубъектности юридических лиц) уделяется значительно меньше внимания. В связи с этим при рассмотрении данного вопроса приходится обращаться в первую очередь к трудам теоретиков права и ученых-цивилистов. На основе обобщения изложенных ими точек зрения можно выделить три основных подхода к определению понятия правосубъектности.

Первое направление рассматривает правосубъектность как единство право- и дееспособности, т.е. как праводееспособность. Однако даже в рамках данного подхода отсутствует единое представление о сущности правосубъектности. Например, Н.В. Витрук полагает, что она является правовым эквивалентом человеческой воли [7. С. 16]. По мнению же С.С. Алексеева, право-

субъектность – это свойство, которое по своей природе неотъемлемо от лица, практически то же самое, что и «субъект права» [8. С. 139].

В соответствии с другой точкой зрения содержание правосубъектности следует рассматривать более широко. В частности, в него необходимо включать также права и обязанности, непосредственно вытекающие из действия законов. При такой трактовке правосубъектности она во многом совпадает с понятием правового статуса [9. С. 102].

Сторонники третьего подхода к определению правосубъектности признают, в основном, что праводееспособность образует содержание этого понятия, однако вместе с тем учитывают, что имеются реальные общественные отношения, участниками которых являются правоспособные, но недееспособные субъекты. В частности, так обстоит дело в гражданском праве с правосубъектностью физических лиц, где она непосредственно связана с гражданской правоспособностью и наличие такой правоспособности необходимо и достаточно для признания гражданина субъектом права [10. С. 20]. Например, отмечается, что субъектом гражданского права и, следовательно, лицом, обладающим правосубъектностью, является ребенок, хотя он и недееспособен.

Учитывая множественность точек зрения на природу правосубъектности в юридической науке, первоочередной задачей является выработка наиболее приемлемого для исследуемой темы определения данного понятия.

Категории правоспособности и дееспособности были впервые выделены в теории гражданского права в силу того, что способность к обладанию гражданскими правами и обязанностями не всегда сочетается со способностью своими действиями эти права и обязанности осуществлять. Позже эти понятия нашли отражение и на законодательном уровне. Так, в соответствии с п. 1 ст. 17 ГК РФ способность иметь гражданские права и нести обязанности (гражданская правоспособность) признается в равной мере за всеми гражданами. Согласно п. 1 ст. 21 ГК РФ способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность) возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, т.е. по достижении восемнадцатилетнего возраста. Гражданское процессуальное законодательство содержит аналогичное определение дееспособности с некоторыми уточнениями, призванными приспособить данную категорию для гражданского судопроизводства (ч. 1 ст. 37 ГПК РФ). В отношении юридических лиц данные термины применяются в том же значении, что и в отношении граждан, с особенностями, о которых будет сказано ниже.

Хотя большинство представителей юридической науки в целом придерживаются аналогичных подходов к пониманию право- и дееспособности [11. С. 7; 12. С. 223 и др.], дискуссионным является вопрос о возможности участия в правоотношениях субъекта, лишённого дееспособности, но обладающего правоспособностью. По мнению одних ученых, поскольку правосубъектность сочетает в себе оба этих элемента, в процессуальные отношения с судом могут вступать только те лица, которые сами обладают дееспособностью [13. С. 46–48]. Другие полагают, что субъектами процессуальных правоотношений могут быть также процессуально недееспособные лица [14. С. 20]. Хотя обе приведенные точки зрения высказываются представителями науки гражданского процесса, кажется, что подобные аргументы не теряют актуальности и в сфере уголовного судопроизводства.

Соглашаясь со сторонниками второго подхода, поскольку лицо вправе осуществлять свои процессуальные права и обязанности не только лично, но и через представителя (при отсутствии необходимой дееспособности), полагаем, что дальнейшее рассуждение по этому вопросу следует оставить за рамками настоящей работы. Очевидно, что у юридического лица правоспособность и дееспособность неразрывно связаны между собой и возникают одновременно, как правило, в момент его государственной регистрации (п. 3 ст. 49, п. 2 ст. 51 ГК РФ) [15. С. 35]. Таким образом, у данных субъектов возможность обладания правами всегда совпадает с возможностью их осуществления, следовательно, разделение в составе правосубъектности юридического лица таких элементов, как право- и дееспособность для целей настоящей работы представляется нецелесообразным.

Что касается более широкого понимания правосубъектности (включения в неё наряду с право- и дееспособностью также прав и обязанностей), то следует согласиться с авторами, подвергающими критике подобную точку зрения. Не следует отождествлять правосубъектность, т.е. способность быть субъектом права, с правовым статусом, включающим в себя конкретные права и обязанности, а также ряд других элементов, поскольку в данном случае имеет место чрезмерное расширение данного понятия, вследствие чего оно утрачивает качественную определенность [11. С. 16].

Таким образом, наиболее обоснованной представляется позиция тех ученых, которые рассматривают правосубъектность как единство право- и дееспособности («праводееспособность») или, другими словами, отождествляют её с признанием лица в качестве субъекта права [8. С. 139].

Как было сказано выше, категория правосубъектности юридического лица исследуется, главным образом, в гражданско-правовой и гражданско-процессуальной литературе. Между тем данное понятие, как и «правоспособность» и «дееспособность», не является исключительно гражданско-правовой категорией, оно широко используется и в других отраслях права. В связи с этим представляется справедливым суждение о наличии у юридического лица не только гражданской и гражданско-процессуальной правосубъектности. Оно является участником также и иных правоотношений, в

том числе административных, трудовых, уголовно-процессуальных и т.д. [16. С. 98, 141], следовательно, должно обладать соответствующей правосубъектностью.

Следует обратить внимание на точку зрения С.С. Алексеева, который различает общую, отраслевую и специальную правосубъектность. При этом общая правосубъектность рассматривается как способность лица в рамках данной политической и правовой системы быть субъектом права вообще; под отраслевой понимается способность быть участником правоотношений той или иной отрасли права (гражданского, гражданско-процессуального, уголовно-процессуального и т.д.); специальная правосубъектность заключается в способности лица быть участником лишь определенного круга правоотношений в рамках данной отрасли права [8. С. 144].

Данный подход нашел отражение и в уголовно-процессуальной науке. В частности, Б.А. Галкин и Л.Д. Кокорев при характеристике правоспособности и дееспособности участников уголовного судопроизводства выделяют два вида правоспособности – общую и специальную. Учитывая то, что указанные авторы рассматривают лишь сферу уголовного судопроизводства, очевидно, что под общей правоспособностью подразумевается способность иметь права и нести обязанности в рамках уголовного процесса, т.е. отраслевая правоспособность [17. С. 94–97; 18. С. 101–108].

На наш взгляд, изложенные позиции имеют весьма существенное значение для изучения уголовно-процессуальной правосубъектности, поскольку отражают её сложную структуру. Придерживаясь данного подхода, можно утверждать, что юридические лица также обладают, соответственно, общей, отраслевой (в том числе уголовно-процессуальной) и специальной (в том числе в рамках уголовного судопроизводства) правосубъектностью. При этом последняя проявляется, например, в способности юридического лица быть потерпевшим, гражданским истцом или другим участником уголовного судопроизводства.

Таким образом, уголовно-процессуальная правосубъектность юридического лица является одним из проявлений его общей правосубъектности и представляет собой возможность быть участником уголовного судопроизводства, являться субъектом уголовно-процессуальных прав и обязанностей. Рассматриваемую категорию следует определить как способность иметь права и нести обязанности, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, а также осуществлять их лично или через представителя.

Поскольку обладание соответствующей правосубъектностью является важнейшей предпосылкой вступления лица в уголовно-процессуальные правоотношения, большое значение имеет определение момента возникновения и прекращения такой правосубъектности именно у юридического лица.

Следует признать, что юридическое лицо создается, функционирует и прекращает действовать в соответствии с нормами гражданского права. Поэтому оно может участвовать в гражданских, административных, налоговых, трудовых и прочих отношениях лишь после признания его соответствующим субъектом права и только до тех пор, пока не будет прекращена его дея-

тельность в установленном законом порядке. Четкое определение и фиксация данных моментов осуществляется через процедуру государственной регистрации. Акт государственной регистрации юридического лица подтверждает появление нового субъекта права (а также изменение его статуса и ликвидацию), удостоверяет законность его возникновения (изменения или прекращения его деятельности) [19. С. 126–127]. Поскольку, как было установлено выше, правосубъектность отражает возможность лица быть субъектом права, то, по видимому, она берет начало с момента создания юридического лица, т.е. внесения соответствующей записи в Единый государственный реестр юридических лиц. Аналогичную позицию по вопросу определения момента возникновения у юридических лиц гражданской процессуальной правоспособности и дееспособности обосновывал Д.М. Чечот [20. С. 24]. Полагаем, что данную точку зрения вполне можно использовать и в уголовном процессе.

Таким образом, возникновение и прекращение у юридического лица уголовно-процессуальной правосубъектности непосредственно связано с появлением (прекращением) у него гражданской, гражданско-процессуальной, а также иных видов правосубъектности. Более того, УПК РФ, в отличие от гражданского и гражданско-процессуального законодательства, не содержит упоминания ни о правосубъектности, ни об одной из её составных частей (право- и дееспособности). В связи с этим неизбежно возникает вопрос о самостоятельности и самоценности категории уголовно-процессуальной правосубъектности юридического лица.

В литературе высказывается мнение о том, что правосубъектность юридического лица в областях трудового и финансового права носит производный характер. Оно становится работодателем и налогоплательщиком в связи с деятельностью, направленной на достижение целей, установленных законом либо его учредительными документами. Определение круга юридических лиц, их учредителей есть предмет гражданского права [21. С. 33]. Логически продолжая данную мысль, можно сделать предположение о производном характере и уголовно-процессуальной правосубъектности.

Для проверки высказанного суждения обратим внимание на некоторые аспекты правосубъектности юридического лица в гражданском праве. На основании действующего законодательства в гражданско-правовой науке делается вывод о том, что правоспособность юридических лиц, по общему правилу, является целевой (специальной, ограниченной), допускающей их участие лишь в определенном, ограниченном круге гражданских правоотношений [22. С. 237–242]. Однако коммерческие юридические лица, за исключением унитарных предприятий и иных видов организаций, предусмотренных законом, могут иметь гражданские права и нести гражданские обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности, не запрещенных законодательством, т.е. они наделены универсальной правоспособностью, что дает им возможность участвовать практически в любых гражданских правоотношениях.

Таким образом, не вдаваясь во все подробности классификации видов правосубъектности юридических

лиц в гражданском праве, можно сделать обобщающий вывод, что в зависимости от организационно-правовой формы юридического лица и от вида осуществляемой им деятельности объем его правоспособности и соответственно правосубъектности в имущественном обороте может быть различным.

В гражданском праве вопрос о видах правоспособности имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, поскольку в соответствии со ст. 173 ГК РФ сделка, совершенная юридическим лицом в противоречии с целями деятельности, определенно ограниченными в его учредительных документах, либо юридическим лицом, не имеющим лицензию на занятие соответствующей деятельностью, может быть признана судом недействительной по иску этого юридического лица, его учредителя (участника) или государственного органа, осуществляющего контроль или надзор за деятельностью юридического лица, если доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о ее незаконности.

Смоделируем ситуацию, когда другой стороной в такой сделке будет являться физическое лицо, имеющее умысел на совершение преступления путем осуществления данной сделки. Повлияет ли в описанной ситуации отсутствие гражданско-правовой правоспособности у юридического лица на совершение сделки на возможность привлечения его в качестве потерпевшего по уголовному делу? Полагаем, что нет. Ведь первоочередное значение для возбуждения уголовного дела будет иметь наличие в действиях гражданина признаков состава преступления, а для признания юридического лица потерпевшим – причинение вреда его имуществу указанным преступлением. Недействительность же сделки будет иметь последствия лишь в гражданском праве. В частности, п. 1 ст. 167 ГК РФ предусматривает, что недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения.

Следовательно, уголовно-процессуальная правосубъектность хотя и связана с гражданско-правовой, поскольку они возникают одновременно (с момента государственной регистрации) и прекращаются в момент завершения ликвидации юридического лица, однако их нельзя отождествлять. Представляется, что нет достаточных оснований для вывода о производном характере правосубъектности юридического лица в уголовном судопроизводстве. По большому счету, уголовно-процессуальная правосубъектность юридического лица, в отличие от гражданско-правовой, всегда носит универсальный характер, в том смысле, что не зависит от организационно-правовой формы, целей и видов его деятельности.

Таким образом, можно выделить следующие особенности уголовно-процессуальной правосубъектности юридического лица.

Во-первых, она представляет собой единство его право- и дееспособности. Оба этих элемента в рамках рассматриваемой категории тесно связаны между собой, возникают и прекращаются одновременно и совпадают по объему.

Во-вторых, момент возникновения (прекращения) уголовно-процессуальной правосубъектности у юридического лица четко определен моментом внесения со-

ответствующей записи в Единый государственный реестр юридических лиц.

В-третьих, уголовно-процессуальная правосубъектность юридического лица является самостоятельной правовой категорией и имеет существенные особеннос-

сти, отличающие её как от правосубъектности иных участников правоотношений, так и от правосубъектности в других отраслях права. Изложенное подтверждает, что рассмотренная проблема заслуживает отдельного внимания и дальнейшего подробного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кравцова С.В.* Уголовно-процессуальный статус гражданского истца и гражданского ответчика на стадии предварительного расследования (понятие, сущность и основания возникновения): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003.
2. *Корнелюк О.В.* Баланс процессуальных статусов потерпевшего и обвиняемого при досудебном производстве: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003.
3. *Жеребятьев И.В.* Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России. Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004.
4. *Мартынич Е.Г., Радьков В.П., Юрченко В.Е.* Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве / Под ред. Т.И. Карпова. Кишинев: ШТИИИЦА, 1982.
5. *Корнуков В.М.* Теоретические и правовые основы положения личности в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Харьков, 1987.
6. *Абдрахманов М.Х., Сафаралеев М.Р.* Уголовно-процессуальный статус юридического лица: понятие и содержание // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2007. № 1 (10).
7. *Витрук Н.В.* О категориях правового положения личности в социалистическом обществе // Советское государство и право. 1974. № 12.
8. *Алексеев С.С.* Общая теория права: В 2 т. М.: Юридическая литература, 1982. Т. 2.
9. *Мицкевич А.В.* Субъекты советского права. М., 1962.
10. *Венедиктов А.В.* О субъектах социалистических правоотношений // Советское государство и право. 1955. № 6.
11. *Советское гражданское право: Субъекты гражданского права* / Под ред. С.Н. Братуся. М.: Юрид. лит., 1984.
12. *Хропанюк В.Н.* Теория государства и права. М., 1993.
13. *Чечина Н.А.* Гражданские процессуальные правоотношения. Л., 1962.
14. *Щеглов В.Н.* Субъекты судебного гражданского процесса. Томск, 1979.
15. *Осокина Г.* Гражданская процессуальная право- и дееспособность // Российская юстиция. 1997. № 5.
16. *Суворов Н.С.* Об юридических лицах по римскому праву. М., 2000.
17. *Галкин Б.А.* Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962.
18. *Кокорев Л.Д.* Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1971.
19. *Ананских Е.С.* Гражданская правоспособность и гражданская процессуальная правоспособность юридического лица: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.
20. *Чечот Д.М.* Участники гражданского процесса. М.: Юрид. лит., 1960.
21. *Грось Л.* Участие публично-правовых образований в отношениях собственности: гражданско-правовые проблемы // Хозяйство и право. 2001. № 5.
22. *Гражданское право: Учеб.: В 4 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов.* М.: Волтерс Клувер, 2005. Т. 1.

Статья представлена научной редакцией «Право» 15 ноября 2008 г.